

А. Е. Григорьева

Изменения в системе мер пресечения в связи с появлением запрета определенных действий

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье исследуются изменения в системе мер пресечения, связанные с появлением новой меры – запрета определенных действий, а также первый опыт его избрания и применения. Проанализированы статистические данные, выделены и обобщены основные проблемные вопросы по запрету определенных действий, отражающиеся в правоприменительной практике. Аргументируется необходимость дальнейшего развития системы альтернатив самой строгой меры пресечения, внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: мера пресечения; альтернативные виды мер пресечения; залог; домашний арест; запрет определенных действий; заключение под стражу.

A. E. Grigorieva

Changes in the system of preventive measures in connection with the emergence of a ban on certain actions

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article examines the changes in the system of preventive measures associated with the emergence of a new measure – the prohibition of certain actions, as well as the first experience of its election and application. Analyzed statistical data, highlighted and summarized the main problematic issues on the prohibition of certain actions, which are reflected in law enforcement practice. The necessity of further development of the system of alternatives to the most stringent preventive measure, amendments to the criminal procedural legislation is argued.

Keywords: preventive measures; alternative preventive measures; bail; house arrest; prohibition of certain actions; detention.

Гуманизация уголовно-процессуального законодательства в вопросах правовой регламентации мер пресечения, как самых строгих инструментов воздействия на поведение обвиняемых и подозреваемых, остается актуальным направлением его реформирования. На протяжении двух последних десятилетий отечественная система мер пресечения подвергалась значительным преобразованиям, направленным на расширение сферы применения залога и домашнего ареста как мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Способствовало этому и Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 2009 г., содержащее рекомендацию о необходимости экономии мер процессуального принуждения и смягчения применяемых мер пресечения [1].

В силу того, что в содержание домашнего ареста входит изоляция лица при общих с заключением под стражу основаниях и порядке избрания, многими учеными и практиками именно данная мера пресечения рассматривалась в качестве основной и реальной его альтернативы. Последнее десятилетие прослеживается неуклонный рост количества его избрания по ходатайствам органов предварительного расследования. Вместе с тем, количество замен иных мер пресечения (залога и заключения под стражу) на домашний арест на стадиях судебного про-

ГРИГОРЬЕВА Алена Егоровна – к. ю. н., доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: achenag@mail.ru

GRIGORIEVA Achena Egorovna – Candidate of Judicial Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Proceedings, Law Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

изводства, сопоставимое в 2016–2017 годах с количеством избрания его на стадии предварительного расследования, с 2018 года стало резко снижаться. В целом, избрание и применение домашнего ареста в последние пять лет не превышало 7 000 случаев, и лишь в 2020 году совокупно достигло количества 7 212 (6 949 по ходатайствам органов расследования и 263 – в качестве замены заключения под стражу в судебном производстве) [2].

И все же статистические данные свидетельствуют о том, что усилия законодателя не привели к значительному расширению практики применения залога и домашнего ареста. И, соответственно, снижению случаев избрания и применения заключения под стражу. По данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, в 2020 году были удовлетворены судами 84 919 ходатайства об избрании заключения под стражу, залога – 244, домашнего ареста – 6 949. Статистические данные по заключению под стражу, с одной стороны, показывают неуклонное снижение случаев его избрания за последние пять лет [2]. Но снижается и количество всех зарегистрированных и раскрытых за указанный период тяжких и особо тяжких преступлений, по которым подозреваемые или обвиняемые, как правило, заключаются под стражу. И, как отметили Л.В. Бертовский и А.В. Квык, если сопоставить эти данные, то получается, что «пропорциональное количество заключенных под стражу лиц по данным категориям преступлений постоянно возрастает». И эта негативная тенденция сложилась уже в 2015 году, когда по утверждению названных авторов, «каждый второй человек при подозрении или обвинении в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления был заключен под стражу» [3]. Вопросы об обоснованности таких высоких показателей применения судами заключения под стражу при несопоставимо малом количестве избрания залога и домашнего ареста, а также о поиске альтернативных решений проблемной ситуации, приобрели еще большую злободневность и актуальность.

В результате принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [4] появилась новая мера пресечения – запрет определенных действий, ранее неизвестная отечественной системе уголовно-процессуального принуждения. Ей посвящена ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Ее появление внесло определенный диссонанс в стройную иерархичную систему мер пресечения, что вызвало неоднозначную оценку у ученых-процессуалистов: от полной поддержки «революционного» решения законодателя до утверждения о его поспешности и непроработанности, ведущих к усложнению деятельности правоприменительных субъектов уголовного судопроизводства и, как следствие, к нарушению прав других участников [5, с. 106].

Прежде всего, это связано с положением, что запрет определенных действий имеет двойственный характер применения. Во-первых, он может выступать как самостоятельная мера пресечения, являясь более мягкой по сравнению с домашним арестом. Во-вторых, в соответствии с ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ, ч. 7 ст. 107 УПК РФ суд при избрании залога, домашнего ареста вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого запреты, входящие в содержание названной меры пресечения. Вместе с введением данной меры пресечения домашний арест не только «передал» ей часть своих признаков (запретов и ограничений), но и принципиально изменил характер применяемого принуждения. Он стал значительно жестче. Если раньше домашний арест мог заключаться как в частичной, так и в полной изоляции лица от общества, то теперь это только полная изоляция. Частичная изоляция «ушла» в содержание новой меры пресечения. Поэтому вполне резонно утверждение И.В. Головинской о том, что новая мера пресечения является «производной от содержания меры пресечения в виде домашнего ареста» [6, с. 162].

Таким образом, система мер пресечения кардинально изменилась. Фактически произошел отход от существовавшего ранее принципа избрания только одной меры пресечения из содержащегося в УПК РФ перечня. Система приобрела гибкость, появились комбинированные виды мер пресечения. К примеру, залог и залог с возложением одного или нескольких запретов.

Несмотря на проблемные вопросы, связанные с механизмом реализации отдельных запретов, входящих в содержание названной меры пресечения, правоприменитель положительно воспринял ее, она не только стала избираться как самостоятельная мера пресечения, но в большей степени, – именно как комбинированная с залогом и домашним арестом.

Для наглядности приводим составленную на основе данных статистической отчетности Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации таблицу. В ней сведены данные по запрету определенных действий с момента его введения в 2018 году, а также приведены для сравнения данные за тот же период по заключению под стражу.

Таблица

Порядок избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий и заключения под стражу в период с 2018 г. по 2020 г.

Годы	2018	2019	2020
Разрешение ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 105.1 УПК РФ) или возложение его при избрании залога и домашнего ареста			
Всего рассмотрено ходатайств	347	1 417	2 112
Из них удовлетворено	301	1 246	1 850
Возложение обязанности на подозреваемого (обвиняемого) по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста	877	1 903	2 012
Разрешение ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 108 УПК РФ)			
Всего рассмотрено ходатайств	114 300	106 046	96 665
Из них удовлетворено	102 205	94 633	84 919

В большинстве случаев, инициатива применения запрета определенных действий исходит не от органов предварительного расследования, а от суда. Скорее, это происходит при отказе в избрании более строгой меры пресечения.

Данные судебной статистики показывают значительный рост востребованности запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве с 2018 года. Станет ли она реальной альтернативой заключению под стражей, покажет время, но уже сейчас она занимает достойное место в системе мер пресечения.

В настоящее время система альтернативных заключению под стражу мер пресечения еще находится в стадии становления, требует разрешения проблемных вопросов и законодательной доработки. Вместе с тем, прослеживается общая тенденция к повышению востребованности таких альтернатив, как домашний арест и запрет определенных действий, а также комбинирования ограничений, входящих в содержание последней, с другими мерами пресечения. Это позволит отойти от излишнего ограничения свободы при применении заключения под стражу, что, в свою очередь, будет способствовать экономии принуждения и гуманизации российского уголовного судопроизводства.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.
2. Основные статистические показатели деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012-2020 годы. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.12.2021).
3. Бертовский Л.Ф., Кык А.В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения и перспективы развития // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 242-255.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста:

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 20 апреля. – № 85.

5. Чернова С.С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3(45). – С. 103-110.

6. Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. – 2018. – № 2. – С. 157-163.

References

1. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii D.A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii // Rossijskaja gazeta. 2009. 13 nojabrja.

2. Osnovnye statisticheskie pokazateli dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej za 2012-2020 gody. [Elektronnyj resurs] / Oficial'nyj sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashhenija: 09.12.2021).

3. Bertovskij L.F., Kvyk A.V. Novaja sistema al'ternativnyh zakljucheniju pod strazhu mer presechenija: pervye rezul'taty primenenija i perspektivy razvitija // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – T. 14, № 2. – С. 242-255.

4. O vnesenii izmenenij v Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti izbranija i primenenija mer presechenija v vide zapreta opredelennyh dejstvij, zaloga i domashnego aresta: Federal'nyj zakon ot 18 aprelja 2018 g. № 72-FZ // Rossijskaja gazeta. – 2018. – 20 aprelja. – № 85.

5. Chernova S.S. Novaja mera presechenija v uголовно-processual'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. – 2018. – № 3(45). – С. 103-110.

6. Golovinskaja I. V. O rasshirenii perechnja mer presechenija // Territorija nauki. – 2018. – № 2. – С. 157-163.

